

Теории модернизации и современная Россия

Историография проблемы

Эдуард Чекмарёв

Россия в начале XXI в., пройдя мучительный путь заимствования зарубежного опыта и бессильной либерализации, приступила к выстраиванию национальной модели модернизации.

Наиболее значимым документом в этом направлении стала Концепция долгосрочного социально-экономического развития страны до 2020 г.

Вместе с тем, многие модернизационные задачи Концепции носят декларативный характер и мало соотносятся с достижениями фундаментальной науки.

Среди многочисленных ресурсов модернизации слабо просматривается роль молодежи, управленческих элит, политических рычагов достижения поставленных целей.

Кроме того, политическая элита как федерального, так и регионального уровня в своем сознании еще не преодолела тенденциозного восприятия модернизации как заимствования чужого опыта, восприятия готовых образцов действия.

В этой связи представляется чрезвычайно актуальным изучение зарубежных и отечественных теорий политической модернизации. Тем более что переплетение модернизации с глобализационными процессами ставит вопрос о политическом суверенитете, выживании и возможностях сохранения приоритетов России в мире.

Общая теория модернизации прошла длительную эволюцию, наполнялась новым содержанием, радикально меняла свою направленность и структуру.

Первоначально она представляла теорию линейного перехода ряда стран на путь индустриализации.

Американские и британские специалисты (Г. Парсонс, А. Гершенкрон, Зб. Бжезинский) доказывали, что модернизация является неизбежным процессом, который имеет одни и те же закономерности и стадии развития всех стран и народов. В качестве образца или модели они видели западное индустриаль-

ЧЕКМАРЁВ Эдуард Владимирович – доцент кафедры политических наук Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Ключевые слова: теории модернизации, политическая модернизация.

ное общество и США. На этой основе возникла побочная *концепция вестернизации*, которая вскоре вызвала отторжение, поскольку рассматривалась как слепое копирование западного опыта, а, главное, западных ценностей.

Страны, достигшие высокого уровня развития естественным путем признавались носителями *“спонтанной модернизации”*, а те, которым предстояло пройти такой путь, – получили название *“отраженной модернизации”*.

В начальный период своего развития общая теория модернизации не обошла вниманием политическую составляющую модернизационных процессов. Поэтому модернизация рассматривалась и как стадия общественных преобразований, и как процесс перехода к современным обществам¹.

Именно политическая составляющая обеспечила теории модернизации своеобразный бум.

Уже в конце 50-х годов XX в. С.Липсет, Ф.Ригг, Д.Эптер, С.Хантингтон как теоретики модернизации были приглашены на престижные посты в государственные структуры сначала в США, а затем и в политических ведомствах Англии, Франции, Германии.

Библиография исследований, сделанная Гарвардским центром, выявила 2,5 тыс. работ на семи языках мира, посвященных проблемам модернизации.

В конце 70-х годов в США по данной проблематике работало 17,5 тыс. ученых: социологов, политологов, экономистов².

Именно в этот период приходит понимание того, что теория модернизации, понятая как развитие, оказалась несовершенной. Особой критике подвергались такие постулаты, как европоцентризм, консервация отсталости, зависимости, возможность оправдания колониализма и экспансии.

Второй этап в развитии теории модернизации характерен для 70-х –

80-х годов XX в. Если на первом этапе господствовала экономическая доминанта, то теперь – социально-политические факторы.

Многие исследователи обратили внимание на проблемы стабильности политического развития.

С.Хантингтон в своей работе *“Политический порядок в меняющемся обществе”* писал, что на стадии перемен только жесткий авторитарный режим способен обеспечить порядок, объединить необходимые для трансформации ресурсы, обеспечить национальное единство.

Консервативные суждения С.Хантингтона были поддержаны Дж.Нельсоном и Х.Динцем, которые обратили внимание, прежде всего, на неподготовленность масс к активному политическому участию.

Наряду с консервативным, выдвинулось *“либеральное направление”* модернизации, основным содержанием которого становится обоснование вывода о формировании открытой социальной и политической системы на основе интеграции населения.

Представители этого направления Р.Даль, Г.Алмонд, Л.Пай связывали перспективы модернизации с социальными аспектами, среди которых особая роль была отведена среднему классу и политической элите. Именно ее диалог с населением они рассматривали как важнейшее условие успешной модернизации, а также установления стабильности и порядка.

Третий этап в развитии теории модернизации, начало которого приходится на конец 80-х годов, характеризуется сложностью и противоречивостью.

С одной стороны, развивается концепция *“модернизации в обход модерни”*, согласно которой признается необходимость сохранения культурно-исторических традиций в условиях перехода к идеологии Запада о социальном равенстве, демократии и роста благосостояния, а с другой – развива-

лась идея “контрмодернизации” и “антимодернизации”.

Новый мощный импульс теории модернизации придали события 90-х годов в странах Восточной Европы, Китае и России. Многие авторы, изучающие модернизационные процессы этого периода, отмечают сложность и многомерность понятия модернизации.

Так, немецкий политолог К.Оффе дал характеристику восточно-европейской трансформации³.

Согласно его исследованиям, в Восточной Европе произошла “тройная модернизация”. Она потрясла экономическую, политическую и территориальную сферы. Несмотря на известную популярность и поддержку в научных кругах (В.Банс, Ф.Редер), данная концепция не смогла объяснить природу широкомасштабных преобразований, происходящих, прежде всего, в посткоммунистическом мире.

Поэтому особое внимание исследователей было обращено на несхожесть процессов, протекающих в двух державах посткоммунистического пространства: России и Китае.

Таким образом, западные исследователи третьего периода развития теории модернизации были озабочены идеями, которые позволили бы управлять Россией, прогнозировать ее участие в мировом политическом процессе.

Об этом весьма красноречиво высказался Зб.Бжезинский. Первостепенный интерес Америки, по его мнению, состоит в том, чтобы помочь обеспечить такую ситуацию, при которой ни одна держава не контролировала бы геополитическое пространство Евразии, а мировое сообщество имело бы к нему беспрепятственный финансово-экономический доступ⁴.

Современные теории модернизации, дополняются отечественными исследователями.

В их основе лежит русская традиция научной мысли.

“Тот духовный акт, которым народ творит свою культуру, есть акт национальный – писал И.А.Ильин, – он возникает в национальной истории, он накладывает свою печать на все содержание национальной культуры. Человек может не замечать этого, народ может не сознавать этого, но это остается и пребывает”⁵.

Если западные исследователи в значительной степени приспособили теорию модернизации к целям подчинения нецивилизованных или недемократичных сообществ, то российские рассматривали модернизацию сквозь призму всечеловечности и культурной самобытности. Поэтому, несмотря на более поздний вклад в теорию модернизации именно отечественные исследователи гораздо ближе к познанию истины, нежели западные. Попытаемся подтвердить данный вывод следующими аргументами.

О широте исследований отечественных авторов в значительной степени свидетельствует вводимые в научный оборот понятия модернизации.

В целом ряде работ, научных статей фигурируют такие понятия модернизации как “архаичная” (А.С.Ахиезер), “рецидивирующая” (Н.Ф.Наумова), “теория конституционных циклов” (А.Н.Медушевский), “законы модернизаций” (Л.И.Бляхер, Г.Ю.Любарский).

Проблемы взаимосвязи модернизации и цивилизации подробно рассмотрены в трудах А.С.Панарина⁶ и К.С.Гаджиева⁷.

Ряд авторов рассматривают модернизацию с точки зрения конфликта ценностей⁸.

Широкомасштабное исследование, завершенное в 1990 г., позволяет судить о значимости такого подхода, вскрывает целый ряд актуальных проблем модернизации.

Так, авторы исследования подчеркивают методологическую значимость культурных ценностей, рассматривают ценностные предпосылки совершенствования соци-

альных отношений с точки зрения типа цивилизаций и общественного развития.

В основе данного исследования лежит концепция, согласно которой Россия принадлежит к особому промежуточному типу цивилизации, где значительные пласты традиционной культуры сталкиваются с динамичной индустриальной цивилизацией Запада.

Авторы утверждают, что, несмотря на внутренние импульсы развития, России уже в XIX в. была навязана модернизация извне, а потому приобрела уродливые формы и обратилась против своих модернизирующих слоев, развития товарно-денежных отношений, которая, в конечном счете, привела к взаиморазрушению.

Между тем, именно политическая модернизация определяет общий вектор преобразований, спланирует на решение задач наиболее активные слои общества, позволяет своевременно менять тактику, корректировать ситуацию, формировать общественное сознание и рекрутировать политическую элиту инновационного характера.

Применительно к России отмеченная проблема наиболее четко обозначена в начале XX в. М.Вебером.

Назвав реформаторские преобразования Витте "псевдоконституционализмом", Вебер обратил внимание, прежде всего, на такие политические факторы, как "государственный строй", "конституционализм", "культура политического поведения агентов осуществляемого политического процесса"⁹.

Спустя десятилетия, историческая практика современной модернизации вновь высветила значимость выявленных М.Вебером проблем, заключающихся во власти, политико-правовом устройстве и готовности управленческой элиты к адекватному политическому действию.

Более того, политическая модернизация в начале XXI в. стала невозможной без широкой политизации массы и выявления в ней социальных слоев,

способных обеспечить не только преобразование политической системы, но и ее устойчивое развитие. Будучи пограничным, межпоколенческим слоем, связывающим прошлое, настоящее и будущее, молодежь объективно становится в период модернизации важнейшим актором преобразований.

Исследования теории политической модернизации до сих пор остаются невостребованными властвующей политической элитой. Среди них труды как зарубежных, так и отечественных авторов, позволяющие на основе сравнительного анализа политических модернизаций в ряде стран делать научный прогноз для России.

Следует признать игнорирование в 90-х годы XX в. таких важных составляющих политической модернизации, как концепция устойчивого развития, государственная молодежная политика.

Вопреки новейшим разработкам в западных странах, концепция устойчивого развития не получила существенного воплощения в реализации модернизационных проектов, поэтому общество, да и власть постоянно сталкиваются с ситуативными вызовами, рисками, угрозами. В этой связи в начале 90-х годов стабильность общества была сбалансирована, скорее всего не политическими действиями, а колоссальным потенциалом терпимости и ожиданий. Вопреки ухудшению уровня жизни населения, соотношение долей людей с позицией терпения увеличилось с 42% в 1991 г. до 77% в 1993 г.¹⁰

Совершенно очевидны и просчеты реформаторов по вопросу укрепления государственной власти, хотя весь опыт России доказывает важность данного приоритета, как в экстремальных, так и спокойных условиях. Была проигнорирована теория структурирования мировой системы Н.Валлерстайна, который предупреждал, что существу-

ющая мировая система глубоко иерархична, а глобализация усугубляет поляризующий эффект внутри данной системы.

Мифологическое восприятие рынка, расхожее утверждение о том, что рынок все расставит по местам сузило сферу политического в экономике, сделало отечественную экономическую политику до предела уязвимой. Это стало особенно очевидно в условиях современного мирового кризиса, подтолкнувшего государство к регулированию рынка совместными усилиями европейских стран в мировом масштабе.

Лишь к началу XXI в. стала просматриваться политическая модернизация с ее неотъемлемыми атрибутами социальной стабильности, социальной управляемости, сохранения человеческого потенциала и, прежде всего, наиболее мобильной его части – молодежи.

Инертность политического мышления властвующей элиты привела к тому, что лишь спустя 18 лет с начала модернизационных преобразований (возраст совершеннолетия) всерьез заговорили о необходимости кадрового резерва.

В опубликованном списке первой сотни лиц, включенных в состав Президентского кадрового резерва явно просматривается омоложение кадров и технологический подход к резерву.

Интересен социально-философский подход к осмыслению проблемы модернизации.

Так, В.Н.Шевченко утверждает, что теория модернизации призвана свести до минимума рассуждения об исторических последствиях взаимодействия Запада с подавляющим большинством стран (метрополия – колонии).

В качестве основного недостатка теории модернизации автор усматривает "недооценку неравномерности исторического развития разных стран и народов"². Он

справедливо подчеркивает идеологическую направленность теории модернизации, главная цель которой состоит в том, чтобы вызвать "у народов, осуществляющих реформы, комплекс неполноценности". Выступая в целом против применения термина "модернизация", автор предлагает использовать "теорию устойчивого развития современного общества".

В этом случае мы не можем согласиться с таким подходом в силу следующих обстоятельств.

Понятие модернизация в широком смысле слова, как необходимое, обусловленное временем, внутренними обстоятельствами и внешними факторами, уже вошло в научный обиход и подмена его иными терминами внесет путаницу в понятийный аппарат. К тому же теория устойчивого развития содержит иную смысловую нагрузку стабильности (устойчивость), в то время как модернизация предполагает, прежде всего, изменение, преобразование, переход в иное качество.

Поэтому мы считаем целесообразным сохранить утвердившийся в зарубежной и отечественной литературе термин модернизация, но наполнить его отвечающим времени содержанием и, прежде всего, освободить от детерминации идеологического фактора, рассмотреть позитивно-преобразовательную роль молодежи.

В этом ключе особо значимым представляются рассуждения Я.А.Пляйса о том, что "модернизация – это не столько процесс, сколько цель, к которой можно прийти как через реформы, так и через революции"¹¹.

Какое из этих средств модернизации станет решающим, в значительной степени зависит от сознания, поведения и целеустремленности молодежи.

Поэтому задача власти состоит в том, чтобы направить энергию молодых в созидательное русло. Пока власть трансформировалась подростко

поколение, отчужденное от властных полномочий и, как следствие, не разделяющее ценности власти.

Согласно социологическим исследованиям экспертов Совета Федерации в 2005 г., эта группа молодых вместе с противниками власти может составить половину числа молодежи¹².

Необходимо признать, с одной стороны, объективную обусловленность процесса модернизации, а с другой – право самих стран на преобразования, независимо от внешних факторов влияния.

Главным критерием успеха модернизации должен быть приоритет национальных ценностей и уровень жизни населения страны. Если при жизни одного поколения при всех модернизационных преобразованиях уровень жизни населения страны повышается и сохраняется суверенитет государства, то такая модернизация должна быть признана правомерной, даже если на ее начальном этапе имели место негативные факторы.

России явно не хватает законов, сдерживающих факторы риска, пре-

дотвращающих подрыв суверенитета страны и ее безопасности. Разработка таких законов должна учитывать как важнейшие приоритеты страны, так и характер современных международных отношений.

Важно выработать действенные механизмы защиты национального суверенитета в условиях модернизации.

Под этим термином в данном случае понимается, прежде всего, право страны на выбор социального и политического строя, целостность территории, экономическую независимость, развитие языка и культуры своей страны.

Успех модернизации, в конечном счете, зависит от правовой культуры общества, от принятия или непринятия правовых предписаний обществом, от совместимости или несовместимости их с общественным сознанием¹³.

Правовые предписания, как правило, детерминированы политикой. Поэтому политическая составляющая правовых норм и предписаний должна отражать интересы народа данной страны, ее безопасность и суверенитет.

В целом теории модернизации как вектор преобразовательной деятельности властных структур в условиях перехода обществ к современному состоянию дают возможность выстраивать стратегию развития, преодолевать давление извне, извлекать уроки не только из собственного опыта, но и из опыта других стран.

Сохранение цивилизационной самобытности в таких странах, как Япония и Китай лишний раз доказывает, что модернизация – это переход в новое качество, при котором наибольшего эффекта достигает власть, способная опереться на традиционные ценности и человеческие ресурсы.

Примечания.

¹ Соловьев А.И. Политология. Политическая теория. Политические технологии. М., 2004. С. 300.

² Модернизация и национальная культура. Материалы теоретического семинара. М., 1995. С. 11.

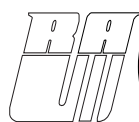
³ Цит по: Вайнштейн Г.И. Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна, 2001. С. 145.

⁴ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 178.

⁵ Ильин И.А. Русская философия права и культуры. М., 1992. С. 88.

⁶ Панарин А.С. Россия в цивилизованном процессе. М., 1995. С. 245–246.

- ⁷ *Гаджиев К.С.* О конце евроцентричного мира и новой конфигурации геополитических сил. Часть I // Социологические исследования. 1993. № 4.
- ⁸ Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1993.
- ⁹ *Вебер М.* Положение буржуазной демократии в России // Русский исторический журнал. 1998. № 1–2.; Его же. Переход России к псевдоконституционализму // Русский исторический журнал. 1999. № 3–4.
- ¹⁰ *Наумова Н.Ф.* Типология поведения в нестабильном обществе: механизмы устойчивости и неустойчивости // Устойчивость и неустойчивость целостных структур как предмет системного исследования. М., 1994. С. 76–78.
- ¹¹ *Пляйс Я.А.* Политология в контексте переходной эпохи в России. М., 2009. С. 99.
- ¹² *Иванов А.П., Устинкин С.В., Рудаков А.В.* Молодежная среда в современной России: причины проявления экстремизма в националистической, ксенофобской, расистской ультраверсиях. Н-Новгород, 2007. С.28.
- ¹³ Мир России. 1999. № 4. С. 168.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2009 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD-диске;
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.